УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ИСТОЧНИКИ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ

© 2013 г. Валерий Иванович Зажицкий¹

*Чем острее и неумолимее сформулирован тезис,
тем настойчивее требует он антитезиса.*

Герман Гессе

Краткая аннотация: в статье научному анализу подвергаются такие мало исследованные понятия российского доказательственного права, как “источники доказательств” и “источники осведомленности”. Показана связь между ними и другими нормативными предписаниями, развитие в теории доказательств, а также значение для судебно-следственной практики. Обосновывается необходимость совершенствования правовой регламентации рассматриваемых понятий.

Annotation: the article analyzes such poorly studied concepts of the Russian law of evidence as “sources of evidence” and “sources of actual knowledge”. The article demonstrates the relation between them and their connection with the other regulatory directions, their development in the proof theory and their significance for the judicial and investigative practice. It gives the grounds for updating of the legal rulemaking of the concepts in question.

Ключевые слова: доказывание, доказательства по уголовному делу, виды доказательств, источники доказательств, источники осведомленности.

Key words: evidence, evidence in the criminal case, types of evidence, sources of evidence, sources of actual knowledge.

В доказательственном праве используются понятия “источники доказательств” и “источники осведомленности”, но, к сожалению, содержание их не раскрывается. В юридической научной и учебной литературе до настоящего времени также нет единого объяснения сущности и назначения данных понятий в доказывании по уголовным делам. Следует отметить, что каждое из них органически связано с основополагающей научной и правовой категорией – доказательствами по уголовному делу (ст. 74 УПК РФ).

В нормах доказательственного права ранее действовавшего УПК РСФСР понятие “источники доказательств” не использовалось. Его признавали в научной литературе, но по поводу его содержания высказывали различные мнения.

Так, М.С. Строгович под источником доказательства понимал сведения о том или ином факте, и сам источник доказательства называл средством доказывания. Придерживаясь так называемого двойственного понятия доказательств, средствами доказывания он называл и сами факты, обстоятельства, на основе которых следователь и суд делают вывод о других фактах

и обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу².

На наш взгляд, автор, по существу, необоснованно отождествлял источники доказательства и источники сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Такой подход был непродуктивным, поскольку не позволял более глубоко раскрывать сущность уголовно-процессуальных доказательств.

По мнению С.В. Курылева, “под источниками доказательств следует понимать материальные предметы, с которыми происходят или на которых отражены явления-доказательства. Только к такого рода источникам-доказательствам применимы правила о собирании, хранении, представлении, правила об осмотрах, обысках и выемках вещей, об освидетельствованиях и допросе лиц. Нельзя, например, хранить факты, свидетельские показания, можно хранить лишь вещи или документы”³. Далее автор уточняет, что с точки зрения обще-

¹ Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (E-mail: Lakon@qwerty.ru).

² См.: Строгович М.С. Уголовный процесс. Учеб. М., 1946. С. 120. См. также: Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т. 1. М., 1968. С. 392. Аналогичное мнение по рассматриваемому вопросу высказывали и другие авторы (см., например: Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 38, 39).

³ Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 156.

употребительного смысла слов “источник”, “носитель”, их более правильно было бы употреблять по отношению к людям, а по отношению к вещам следует говорить о носителе доказательств⁴.

Однако и такая конструкция не являлась безупречной, поскольку в ней усматривалось уже смешение понятий “источники доказательств” и “источники осведомленности”.

Распространенным стало мнение, согласно которому “под источниками доказательств следует понимать ту процессуальную форму, в которую облечены фактические данные-доказательства, показания участников процесса, документы, заключения экспертов, вещественные доказательства. Перечень этих источников в ч. 2 ст. 74 УПК РФ носит исчерпывающий характер и соответствует тем следственным действиям, в процессе которых источники могут быть получены”⁵. Но ведь общепризнано, что перечисления, указанные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в структуре доказательств являются процессуальными источниками сведений, поэтому называть их еще источниками доказательств нет никакой необходимости.

Впоследствии появилось суждение о том, что под источниками доказательств следует понимать не только процессуальную форму фактических данных, но и носителя этих данных. Наиболее последовательно такое мнение отстаивал Ф.Н. Фаткуллин, который писал: “Под источником судебных доказательств понимаются процессуальная форма, посредством которой фактические данные, признаваемые доказательствами, вовлекаются в сферу процессуального доказывания, и носитель этой фактической информации”⁶. Как видим, по существу предлагалось источниками доказательств называть два вполне самостоятельных понятия – процессуальную форму и носителя фактических данных. Однако и такой подход, по нашему мнению, ничего полезного для теории доказательств и судебно-следственной практики дать не мог.

По рассматриваемому проблемному вопросу принципиально по-иному высказался В.Д. Арсеньев, который рассуждал следующим образом: “Источником средств доказывания будет то, из чего исходят не только сведения о фактах, но и сигналы, с помощью которых такие сведения передаются. Следовательно, источником показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых и подо-

зреваемых, а также заключений эксперта будут соответственно свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые и эксперты, т.е. лица, дающие показания и заключения”⁷. Значение такого подхода автор усматривал в том, что при определении качества соответствующих доказательств следует обращаться и к оценке их источников, т.е. личных качеств свидетеля (физических и моральных, компетенции эксперта и т.п.). В.Д. Арсеньев полагал, что такой подход является необходимой предпосылкой правильной оценки достоверности показаний и заключений⁸. Данные суждения были более обоснованными и продуктивными. Однако обращает на себя внимание то, что об источниках доказательств автор говорил только применительно к допрашиваемым лицам и заключению эксперта.

В.Я. Дорохов, исходя из понимания доказательства как единства объективного содержания и субъективной формы, существенно уточнил понятие источника доказательства, сформулированное В.Д. Арсеньевым. Он сделал важный вывод о том, что источник доказательства влияет на содержание и форму доказательства, но *не входит ни в то, ни в другое в качестве их элементов*. Кроме того, обосновал правомерность распространения понятия “источник доказательства” не только на показания допрашиваемых лиц и заключение эксперта, но и *на все другие виды доказательств* – вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы.

По мнению В.Я. Дорохова, источником вещественных доказательств являются следователь и понятые, а также граждане, нашедшие и представившие органам расследования предмет; источником протоколов следственных и судебных действий и документов выступают лица, составившие протокол (следователь и понятые), а составившие документ – авторы (автор) документа. Существенным было также утверждение автора о том, что доказательство может быть получено только от источника, удовлетворяющего всем требованиям закона. Наконец, требованием известности соответствующего источника для каждого вида доказательств он объяснял недопустимость в качестве судебных доказательств различного рода материалов, полученных при проведении оперативно-розыскных действий⁹.

⁴ См.: там же.

⁵ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 26, 27. См. также: Якуб М.Л. Доказательства в советском уголовном процессе. М., 1968. С. 103.

⁶ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 125.

⁷ Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 115.

⁸ См.: там же. С. 116.

⁹ См.: Дорохов В.Я. Понятие источника доказательств // В кн.: Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 8–12.

Наряду с этим В.Я. Дорохов сформулировал следующее положение: “Источник доказательств должен быть известен органам расследования, суду. Это требование четко выражено в законе применительно ко всем видам доказательств. Знание источника обеспечивает возможность проверки доказательства, контроля над стадиями его формирования. Проверка доказательств, источник которых неизвестен суду (например, при помощи других совпадающих с ними фактических данных), не устраняет сомнения в их достоверности ввиду того, что вопрос о причинах совпадения остается открытым”¹⁰.

Однако данное положение содержало некоторые противоречия и нуждалось в уточнении. Очевидно то, что источник доказательства появляется только после получения доказательства следователем и судом. Не было доказательства – не могло быть и его источника. При определении В.Я. Дороховым понятия источника доказательства как конкретного лица, занимающего в уголовном деле определенное процессуальное положение и с которым следует согласиться, исключалась ситуация, когда доказательство получено, но в целях его проверки можно было устанавливать его источник. Ввиду этого УПК РСФСР никакого требования относительно известности источника доказательств не предусматривал. Закон лишь требовал, чтобы фактические данные были получены из процессуальных источников, перечисленных в ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР, а при исследовании доказательств в судебном разбирательстве использовались только надлежащие источники доказательств. Например, вместо допроса свидетеля, потерпевшего не допускалось оглашения протоколов допросов, составленных в стадии предварительного расследования, в целях установления достоверности заключения эксперта возможен был допрос такого источника доказательства, как эксперт. Но и до их допроса в качестве свидетеля они как источники доказательств уже существовали и были известны.

В современном доказательственном праве об источниках доказательств упоминается лишь в одном случае. Так, согласно ст. 87 УПК РФ “проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем... установления их источников”.

Данное положение было недостаточно продуманным и может быть охарактеризовано как заблуждение, поскольку, как отмечалось ранее, без доказательства не может быть его источника.

К сожалению, в ст. 5 УПК РФ содержание нового понятия “источники доказательств” не раскрывается, поэтому в учебной и научной литературе выражено неоднозначное отношение к нему. Во многих учебниках о нем либо умалчивается, либо высказываются довольно неопределенные и противоречивые суждения.

Так, в учебнике “Уголовно-процессуальное право” под ред. В.М. Лебедева читаем: “Любое доказательство, используемое по уголовному делу, должно иметь свой источник. Проверка доказательства как раз и сводится к тому, чтобы установить данный источник”¹¹. Никаких других суждений по данному вопросу нет. Сущность источников доказательств не разъясняется также и в § 8.1 данного учебника, посвященном понятию доказательств в уголовном процессе. Несомненно, при таком подходе можно остаться в неведении относительно источников доказательств.

Должной определенности по рассматриваемому вопросу не встречается и в комментариях к УПК РФ.

Так, в Комментарий к УПК РФ сказано: “В комментируемой статье говорится, в частности, о проверке доказательств путем установления их источников. Однако если источник сведений не известен, сведения не могут признаваться доказательствами. Так, не могут быть допущены в качестве доказательств показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75)”¹².

На наш взгляд, авторы данного комментария намеревались сказать что-то об источниках доказательств, но вместо этого огласили лишь общеизвестное положение об источниках осведомленности применительно только к показаниям свидетеля и потерпевшего. Однако источники доказательств и источники осведомленности – не одно и то же¹³.

Более категоричное мнение по рассматриваемому вопросу было высказано авторами Комментария к УПК РФ 2010 г.: “Указание закона

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Уголовно-процессуальное право / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2012. С. 304.

¹² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003. С. 248.

¹³ Смешение источников доказательств и источников осведомленности встречается и в других комментариях к УПК РФ (см., например: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина и И.Б. Михайловской. М., 2010. С. 200).

на установление источника доказательств как возможного способа их проверки является не вполне точным, поскольку сведения, источник которых не известен, вообще не могут быть доказательствами”. Здесь целесообразно было бы выразиться более категорично: данное положение Закона является принципиально неверным и необоснованным, поскольку источник доказательства появляется только после получения доказательства.

По мнению авторов учебного пособия “Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности”, источник доказательств представляет собой способ существования и выражения заключенных в доказательстве сведений. В подтверждение данного тезиса приводятся суждения о том, что формой, способом существования и выражения показаний обвиняемого будет являться само сообщение, сделанное обвиняемым на допросе и записанное в протоколе. Способом же выражения и существования сведений, содержащихся в документе как доказательстве, т.е. источником данного вида доказательств будет являться сам документ с его реквизитами¹⁴. В данном случае также необоснованно отождествляются такие понятия, как “источники доказательств” и “процессуальные источники сведений”.

Не лучшим образом обстоит дело с источниками доказательств и в научной литературе.

Сложность уяснения понятия “источники доказательств”, формулируемые некоторыми авторами, порой обусловлена их некорректным цитированием. Например, В.А. Лазарева указывает, что “многие авторы, анализируя перечисленные в ч. 2 ст. 74 УПК (а раньше – в ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР) явления: показания, вещественные доказательства, заключения эксперта и специалиста, документы, – называют их также источниками доказательств”. К числу таких авторов она относит Ю.К. Орлова и ссылается на его работу “Основы теории доказательств в уголовном процессе”. Однако автор данной работы на самом деле такого суждения не высказывал и, напротив, четко разграничивал источники фактических данных (сведений, информации) и источники доказательств. Вот его цитата из упомянутой работы: “И еще – необходимо разграничивать понятия источника фактических данных (сведений, информации) и источника доказательств. Под источником

доказательства в отличие от источников фактических данных как одной из сторон доказательства мы будем понимать предыдущий источник информации, например, источником показаний является свидетель или иное допрошенное лицо, источником заключения эксперта – эксперта. Зачем нужно такое разграничение? Хотя источник доказательства находится вне доказательства, оно уже отделилось от него и живет, так сказать, самостоятельной жизнью, тем не менее, при его оценке нередко важное значение имеют свойства источника – физические или моральные качества свидетеля, компетентность и незаинтересованность эксперта и т.п.”. При этом Ю.К. Орлов ссылается на В.Я. Дорохова, который, как отмечалось ранее, был одним из сторонников четкого разграничения источников фактических данных и источников доказательств¹⁵.

По поводу источников доказательств В.А. Лазарева также высказывает крайне противоречивые суждения. По ее мнению, источник доказательства возникает до начала процесса доказывания и “в этом смысле в качестве источника доказательств, пожалуй, можно было бы рассматривать лишь документы, которые были составлены не в связи с производством по уголовному делу и зачастую – до его возбуждения. Эти документы действительно становятся источником сведений для лица, осуществляющего производство по уголовному делу, являясь одновременно формой существования этих сведений и видом доказательств”¹⁶.

Следует, однако, напомнить общеизвестное положение о том, что документы, составленные вне рамок производства по уголовному делу, неправомерно именовать доказательствами по уголовному делу. Такой вывод непосредственно вытекает из ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Статус такого вида доказательств, как иные документы, любой письменный материал приобретет только в рамках возбужденного уголовного дела, если будет получен предусмотренными законом способами и будет установлено, что содержащиеся в нем сведения обладают свойством относимости.

Наряду с этим автор указывает, что неоднозначность понятия источника доказательства не лишает его права на существование. “Сведения об

¹⁴ См.: Громов Н.А., Гуцин Н.В., Луговой М.В., Лямин М.В. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности. Учебн. пос. М., 2005. С. 69.

¹⁵ См.: Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 39, 40. Встречаются и другие случаи некорректного цитирования, что свидетельствует о недостаточно внимательном и объективном анализе работ других авторов.

¹⁶ Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. Учеб.-практ. пос. М., 2009. С. 159, 160.

интересующих следствие и суд обстоятельствах дела, – отмечает далее В.А. Лазарева, – конечно же, имеют свои источники. Такими источниками являются лица, обладающие доказательственной информацией, предметы, сохраняющие на себе следы воздействия преступления, документы, составленные вне производства по уголовному делу и несущие в себе информацию, способную пролить свет на исследуемое событие. Но если сведения, исходящие от свидетеля, потерпевшего, эксперта, из материального объекта, признаются доказательствами (ч. 1 ст. 74), то свидетель, потерпевший или эксперт, а также материальные предметы должны быть признаны источниками доказательств¹⁷.

В данном суждении автор права лишь частично, поскольку источниками доказательств считает только потерпевшего, свидетеля и эксперта. Именован же аналогичным образом документы, составленные вне производства по уголовному делу, а также материальные предметы, сохранившие на себе следы воздействия преступления, нет никаких оснований.

Л.Т. Ульянова по рассматриваемому проблемному вопросу также высказывает неопределенные суждения. Она не использует понятие “источники доказательств”, а говорит о носителе информации, в зависимости от которого установлен процессуальный порядок собирания доказательств. “Человек – наиболее распространенный носитель информации, – пишет она. – Следовательно, необходимо прежде всего выявить, кто владеет информацией. В зависимости от определенных условий поставить их в положение свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. Следователь должен работать не с безликим носителем информации, а с лицом, занимающим определенное процессуальное положение. Закондатель в соответствии с этим предусматривает различный порядок допроса вышеуказанных участников процесса”¹⁸.

Далее автор отмечает, что доброкачественность носителя информации (способность правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить информацию, отношения субъектов друг с другом, заинтересованность в исходе дела, наличие свидетельского иммунитета и др.) имеет значение для определения достоверности доказательств, и подчеркивает, что человек, давший показания, не является составной частью доказательства¹⁹.

Анализируя приведенные суждения Л.Т. Ульяновой, можно было бы сделать вывод о том, что указанные ею носители информации являются не чем иным, как источниками доказательств. Однако такой вывод не согласуется с характеристикой автором других носителей информации. Так, она полагает, что носителем информации, содержащейся в вещественном доказательстве, является не человек и не место его обнаружения, а вещь объективного мира, на которой остались следы, отпечатки, особое их расположение, состояние и иные изменения. Носителем же сведений в заключении эксперта является человек или предмет, которые подвергаются экспертному исследованию, а носителем сведений, содержащихся в документах, – предмет материального мира (бумага, перфокарта, береста и др.), на котором официальные лица или граждане общепринятыми или другими способами зафиксировали сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела²⁰.

Мнение Л.Т. Ульяновой в известной мере перекликается со взглядами В.А. Лазаревой. Сомнителен тезис автора о том, что носителем сведений в заключении эксперта является человек или предмет, которые подвергаются экспертному исследованию. Во-первых, рассматривается вопрос не о носителях сведений, а об источниках доказательств. Во-вторых, носителем сведений условно можно называть материальный предмет, признанный вещественным доказательством, материальные следы на котором следователь и понятые непосредственно воспринимают своими органами чувств. Носителем же сведений применительно к заключению эксперта, или, точнее сказать, процессуальным источником сведений, будет являться заключение эксперта, в котором отражено выводное знание, полученное экспертом на основе проведенного исследования.

Неожиданной стала позиция С.А. Шейфера, который на основе приверженности к положению о формировании доказательств *предпринял попытку отрицать обоснованность и продуктивность понятия “источники доказательств”*. Он призывает подвергнуть критическому анализу правомерность термина “источник доказательств”, но при этом не излагает формулировку понятия “источники доказательств”, данную другими авторами, которую собирается критиковать. Такой подход в научной полемике встречается исключительно редко. Возможно, именно поэтому в последующем изложении С.А. Шейфер, по существу, критикует ученых, которые словосочета-

¹⁷ Там же. С. 160.

¹⁸ Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008. С. 100.

¹⁹ См.: там же. С. 101.

²⁰ См.: там же. С. 101, 102.

нием “источники доказательств” обозначают его форму, т.е. явления, перечисленные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ (показания потерпевшего и свидетеля, подозреваемого и обвиняемого, заключение эксперта и др.). Эти явления автор предлагает именовать не источниками, а видами доказательств, поскольку “вид” адекватен термину “форма”²¹.

На наш взгляд, следует признать обоснованным суждение С.А. Шейфера о том, что “трактовка понятия доказательства как единства содержания и формы дает основание к тому, чтобы отказаться от широко распространенного в науке наименования явлений, обозначенных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, источниками доказательств”²². Но в его изложении, по существу, отсутствует критика понятия “источники доказательств”, под которыми ряд авторов понимали и понимают живых лиц, которые в уголовном судопроизводстве занимают определенное процессуальное положение и от которых исходят доказательства как единство процессуальных источников и относящихся к уголовному делу сведений²³. Е.А. Доля солидаризируется со взглядом исследователей, «согласно которому термин “источники доказательств” можно сохранить в теории лишь для обозначения носителей доказательственной информации, каковыми являются свидетели, потерпевшие, обвиняемый, подозреваемые, эксперты, специалисты, а также предметы материального мира, сохранившие на себе следы исследуемого события»²⁴. Однако такой взгляд представляется непродуктивным, поскольку, как отмечалось ранее, источники или носители доказательственной информации, из числа которых следовало бы исключить предметы материального мира, сохранившие на себе следы преступления, уже имеют общепризнанное наименование – процессуальные источники сведений.

Поскольку доказательства представляют собой единство сведений и процессуальных источни-

ков, то *об источниках доказательств можно говорить только после их получения. Нет доказательства – нет и его источника.* Рассматриваемое понятие применимо ко всем видам доказательств и имеет практическое значение. Обстоятельства, характеризующие источники доказательств, необходимо всегда учитывать при проверке и оценке доказательств (например, заинтересованность обвиняемого в благоприятном для него исходе дела; обстоятельства, влияющие на восприятие потерпевшим и свидетелем преступных действий определенным лицом, а также свидетельствующие об их подкупе, угрозах в их адрес; обстоятельства, характеризующие профессиональные качества эксперта, его незаинтересованность в исходе дела и др.). Если источниками доказательств являются властные участники уголовного процесса, то учитывается их процессуальное положение, которое должно соответствовать закону, а совершаемые ими следственные и иные процессуальные действия не должны выходить за пределы их процессуальных полномочий. Заинтересованность этих источников доказательств в исходе дела, отсутствие или превышение ими своих полномочий при производстве по уголовному делу, нарушение прав обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и других лиц могут повлечь признание полученных ими доказательств недопустимыми.

На наш взгляд, по важному в теоретическом и практическом отношении проблемному вопросу об источниках доказательств следует встать на позицию прогрессивного консерватизма и *понимать под источниками доказательств живых лиц, которые занимают в уголовном судопроизводстве определенное процессуальное положение.* Несмотря на то что данное понятие не входит в общее понятие доказательства, его целесообразно отнести к числу основных понятий, используемых в доказательственном праве, и раскрыть в ст. 5 УПК РФ.

С источниками доказательств органически связано такое понятие, как “источники осведомленности”. Ранее действовавший уголовно-процессуальный Закон запрещал использовать в качестве доказательств фактические данные, сообщаемые свидетелем и потерпевшим, если они не могут указать источники своей осведомленности (ст. 74, ч. 1 ст. 75 УПК РСФСР). В отличие от этого УПК РФ относит к недопустимым доказательствам только показания свидетеля, если он не может указать источник своей осведомленности (ч. 2, п. 2 ст. 75). Такое изменение Закона представляется необоснованным. Показания потерпевшего принципиально не отличаются от показаний

²¹ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008. С. 66–68.

²² Там же. С. 69.

²³ На эту существенную особенность в суждениях С.А. Шейфера не обратил внимания Е.А. Доля, который обоснованно разделяет высказанный в теории доказательств взгляд на источники доказательств как на живых лиц, занимающих в уголовном судопроизводстве определенное процессуальное положение и от которых исходят доказательства как единство сведений и процессуальных источников. Вместе с тем следует поддержать его предложение предусмотреть в УПК РФ отдельную статью, в которой была бы выражена сущность источников доказательств (см.: Доля Е.А. Источники доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2011. № 12. С. 3–8).

²⁴ Шейфер С.А. Указ. соч. С. 69.

свидетеля, и образуют две разновидности одного вида доказательств. В целях обеспечения полноты и объективности сообщаемых сведений у него также следует выяснять источник осведомленности. Поэтому неубедительно суждение о том, что “потерпевший, как правило, сам является первоисточником данных о совершенном преступлении и редко может давать показания по слуху”²⁵.

В процессуальной литературе до сих пор ни в доказательственном праве, ни в теории доказательств также не определено понятие “источники осведомленности”. Поскольку речь идет об осведомленности конкретных лиц о тех или иных обстоятельствах, то ими должны признаваться лица, от которых исходят доказательства и которые, как было уже сказано, в теории доказывания названы источниками доказательств. Поэтому правомерен вывод о том, что источниками осведомленности является ответ на вопрос, *в силу каких объективных факторов (обстоятельств) источники доказательств как определенные лица стали обладателями сведений, которые в результате производства следственных действий стали содержанием соответствующих видов доказательств*.

Применительно к показаниям свидетеля и потерпевшего источниками доказательств являются, соответственно, *свидетель и потерпевший*. Источниками осведомленности для них являются два объективных обстоятельства. Во-первых, непосредственное восприятие своими органами чувств соответствующих обстоятельств (в более ранних российских законах их называли *видоками*, т.е. очевидцами). При этом имеется в виду не только чувственное восприятие определенных процессов, действий, поступков людей или иных фрагментов реальной действительности, но и *ознакомление с материальными объектами и письменными материалами*²⁶. Во-вторых, восприятие свидетелем и потерпевшим сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, со слов других известных им лиц (раньше их называли *послухами*). Следует отметить, что, исходя из правовых (ч. 2, п. 2 ст. 75 УПК РФ) и научных предпосылок, источники осведомленности *не входят за рамки общего понятия доказательства, органически связаны с ним и определяют его допустимость*.

Следовательно, рассматриваемые источники осведомленности правомерно характеризовать как

объективную основу, в силу которой свидетель и потерпевший становятся носителями идеальных следов преступления и которые становятся содержанием их показаний. Анализ таких источников позволяет исключить из доказательств различные мнения, догадки, интуитивные предположения, которые способны вводить субъектов доказывания в заблуждение.

Актуальным остается вопрос о том, имеются ли основания утверждать, что источники осведомленности свойственны не только показаниям свидетеля и потерпевшего, но и *всем другим видам доказательств*.

В условиях действия УПК РСФСР была предпринята попытка положительно разрешить этот вопрос. Так, в научном труде “Теория доказательств в советском уголовном процессе” указывается: “Из правил, регулирующих допустимость доказательств, вытекает, в частности, что допустимость доказательств – показаний, протоколов и иных документов, заключений – предполагает, что их содержание фиксирует и источник получения информации (источник осведомленности) лицом, дающим показания, равно исполнителя документа, составленного не в связи со служебной или общественной деятельностью, либо (если речь идет о служебном, общественном документе или о заключении эксперта) фиксирует и источник осведомленности, и компетентность его исполнителя”²⁷. Из этого следует, что в данном случае источниками осведомленности обуславливается допустимость только таких видов доказательств, как показания, протоколы, иные документы и заключения (естественно, что речь шла о заключении эксперта).

Профессор А.М. Ларин подчеркивал, что правила ст. 74 УПК РСФСР о непригодности в качестве доказательств фактических данных, сообщаемых свидетелем без указаний на источник своей осведомленности, относится также к другим видам доказательств. Однако автор говорил о недопустимости только показаний обвиняемого, заключения эксперта и документов, если не может быть выяснен источник содержащихся в них сведений²⁸.

В 1983 г. в журнале “Советская юстиция” автором этих строк была опубликована статья “Источники осведомленности в уголовно-про-

²⁷ См.: там же. С. 233–237.

²⁸ См.: Ларин А.М. Обязанность доказывания и проблема допустимости доказательств, в частности показаний свидетелей // В кн.: СССР-Англия: Юстиция и сравнительное правоведение. Материалы советско-английского симпозиума. М., 1986. С. 141.

²⁵ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. С. 219.

²⁶ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 575.

цессуальном доказывании”, в которой обосновывалась правомерность распространения понятия “источники осведомленности” *на все виды доказательств*²⁹.

Спустя 16 лет после этого Е.А. Доля предпринял попытку опровергнуть все положительные выводы и суждения в этом направлении. Для того чтобы исключить возможность положительного отношения к данной идее, автор предупреждает: “Введение в научный оборот, законодательство и практику доказывания новых понятий, которые не отражают существенное в бытии уголовно-процессуальной деятельности или отражают его в искаженном виде, препятствует развитию науки, законодательства, порождает трудности на практике”. Далее предостережение автора приобретает еще более устрашающий и гиперболизированный характер. По его мнению, попытка сформулировать в теории уголовного процесса такое новое понятие, как “источники осведомленности”, и распространить его на все виды доказательств приведет к отвлечению следователей и судей от “оптимальных путей доказывания, ведет к непроизводительным затратам сил, средств, удлинению сроков расследования и рассмотрения дела в суде, нарушению прав и законных интересов граждан, а в ряде случаев и к серьезным ошибкам при производстве по уголовным делам”³⁰.

Однако ни одна из этих “страшилок” автором в достаточной мере не аргументируется, поскольку при самой неумной фантазии сделать это невозможно. Вопреки его прогнозам мнение о распространении источников осведомленности на все виды доказательств не приводило и не приводит к возникновению ни одного из тех отрицательных последствий, о которых голословно заявляет автор.

Критика Е.А. Доли рассматриваемого мнения представляется огульной и не корректной. Вопреки его утверждению, *понятие источников осведомленности не является новым*. Оно существует в русском языке, в уголовно-процессуальном законе, а также в теории доказывания и доказательств. Безосновательны и неубедительны суждения автора о том, что введение его в научный и практический обиход будет препятствовать развитию науки, законодательства и порождать трудности на практике. Напротив, в интересах

науки необходимо продолжить тщательный анализ данного понятия, теперь уже применительно к действующему УПК РФ. Следует отметить, что Е.А. Доля в своей статье в ущерб объективности научного исследования оставляет без внимания важнейший аргумент в пользу рассматриваемого понятия: *поскольку источники доказательств свойственны всем видам доказательств, то об источниках их осведомленности правомерно говорить без каких-либо исключений*.

Такому выводу не препятствует также исключение из действующего Закона источников осведомленности применительно к показаниям потерпевшего. Нелогично рассуждать так, что одни источники доказательств имеют источники осведомленности, а применительно к другим они отсутствуют. В ходе доказывания следует акцентировать внимание на источниках осведомленности *применительно ко всем видам доказательств*.

В процессе доказывания по уголовным делам всегда необходимо их выяснять и тщательно анализировать. Следует обращать внимание на то, чтобы источники доказательств использовали только надлежащие источники осведомленности, чтобы не было их подмены. От источников осведомленности зависит содержание получаемых сведений об обстоятельствах предмета доказывания и побочных фактах. Порядок и условия получения таких сведений уголовно-процессуальный закон устанавливает с учетом характеристики соответствующих источников осведомленности.

Знание и тщательный анализ источников осведомленности, условия восприятия их соответствующими лицами позволяют эффективно осуществлять доказывание по уголовному делу, получать надежные знания об обстоятельствах совершения преступления. Поэтому источники осведомленности должны быть известны не только лицам, от которых исходят соответствующие сведения, но и субъектам доказывания – дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору и суду.

Источники осведомленности следует брать во внимание уже при анализе оснований для производства следственных и судебных действий. Объективная невозможность использования того или иного источника осведомленности или отсутствие его в реальной действительности по существу исключают основания для их производства.

Следует, однако, заметить, что вопрос об источнике осведомленности применительно к конкретному виду доказательств не всегда может быть окончательно разрешен при анализе оснований

²⁹ См.: *Зажицкий В.И.* Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании // Сов. юстиция. 1983. № 8. С. 10, 11.

³⁰ *Доля Е.А.* К вопросу об источниках осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании (Мифы и реальность) // Росс. юстиция. 2009. № 4. С. 59.

для производства следственных действий, направленных на соби́рание доказательств. В ряде случаев это происходит при производстве самого следственного или судебного действия, а то и в ходе последующего производства по уголовному делу. Так обстоит дело, в частности, с источниками осведомленности применительно к показаниям всех допрашиваемых лиц.

Субъекты доказывания по уголовному делу узнают об источниках осведомленности на основе сведений, сообщаемых свидетелями, потерпевшими, обвиняемым, подозреваемым, или же воспринимают их непосредственно в ходе следственных и судебных действий. В первом случае источники осведомленности образуются вследствие совершения лицом преступных действий. Их воспринимают также до начала производства по уголовному делу определенные лица и в результате этого становятся носителями сведений. После возбуждения уголовного дела они становятся субъектами уголовного процесса (потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым), а следовательно, источниками доказательств или же являются субъектами правоотношений, возникающих в рамках отдельных следственных и судебных действий (свидетелями, экспертом), в ходе которых сообщают сведения субъектам уголовно-процессуального доказывания. В результате этого появляются такие виды доказательств, как показания свидетеля и потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, заключение эксперта.

Судебно-следственным работникам необходимо иметь четкие представления об источниках осведомленности каждого вида доказательств. Применительно к показаниям свидетеля и потерпевшего выделение источников осведомленности каких-либо сложностей не вызывает. Все другие виды доказательств можно считать исключениями.

Не должно быть сомнений относительно источника осведомленности применительно к показаниям обвиняемого (подозреваемого). Известно, что обвиняемый на допросе может признать себя виновным в предъявленном ему обвинении, отрицать свою вину или дать показания в отношении другого лица.

При признании обвиняемым своей вины источником осведомленности является осознанное и совершенное им общественно опасное и противоправное действие или бездействие. Поскольку преступление совершало виновное лицо, то ему в наибольшей мере известны его обстоятельства. Р.Д. Рахунов обоснованно указывал на то, что *осведомленность обвиняемого основана на его*

собственных действиях (что им сделано для подготовки преступления, как он доставал орудия преступления, как он совершал преступление, как он скрывал следы преступления или, наоборот, оставлял следы и т.д.)³¹.

Если обвиняемый признал себя виновным в предъявленном ему обвинении и сообщил сведения об обстоятельствах совершения преступления, то в таких случаях некоторые авторы говорят о его преступной (виновной) осведомленности. Под преступной (виновной) осведомленностью понимают “знание подозреваемым и обвиняемым обстоятельств совершения преступления лишь потому, что он был его исполнителем или соучастником”³².

Однако важно учитывать, что ссылка обвиняемого на преступную (виновную) осведомленность не всегда свидетельствует о совершении им преступления. Такая осведомленность не является единственной, исключительной. В действительности могут существовать и другие, непреступные (невиновные) источники осведомленности обвиняемого.

Источники осведомленности обвиняемого (подозреваемого) необходимо выяснять всегда, поскольку это непосредственно связано с обнаружением истины по уголовному делу и решением основного вопроса – о виновности или невиновности обвиняемого в совершении преступления. Недостаточное внимание к рассматриваемому вопросу создает опасность следственной или судебной ошибки.

Вопрос об источниках осведомленности обвиняемого занимает важное место в доказывании по уголовным делам. Следует учитывать, что обвиняемый может узнать об обстоятельствах совершения преступления, участвуя в производстве следственных действий или иным путем и по различным мотивам может оговорить себя. Поэтому доводить до него данные предварительного следствия без явной необходимости не следует.

Самостоятельным источником осведомленности обвиняемого правомерно считать его психическое состояние в период подготовки к совершению преступления. Умысел на совершение многих преступлений “зреет” постепенно. Во время психической подготовки к совершению

³¹ См.: Рахунов Р.Д. Признание обвиняемым своей вины. М., 1975. С. 65, 66.

³² Круглов Е.И. Преступная (виновная) осведомленность (неосведомленность) как одно из доказательств по уголовному делу // В кн.: Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Красноярск, 1985. С. 149.

преступления будущий преступник может делиться с окружающими своими переживаниями, выяснять их отношение к возможному преступлению, может обращаться к ним за советами, совершает организационные действия по подготовке к совершению преступления и т.п. Поэтому психическое состояние лица и его действия, находящиеся за рамками фактического совершения преступления, являются одним из важных источников осведомленности обвиняемого. Использование такого источника позволяет установить субъективную сторону преступления. Р.Д. Рахунов называет это “моральным состоянием обвиняемого во время продумывания возможности и подготовки совершения преступления”³³.

Источником осведомленности обвиняемого об отдельных обстоятельствах, связанных с совершенным преступлением, могут быть также его личные наблюдения: он видел или общался с человеком, ставшим жертвой преступления; наблюдал за действиями соучастников преступления; знает об очевидцах преступления и т.п.

Наконец, обвиняемый может быть осведомлен об отдельных обстоятельствах преступления, совершенного другими лицами, и прежде всего действительными исполнителями преступления, соучастниками и т.д.

Если обвиняемый (подозреваемый) дает показания о преступных действиях других лиц, то следует учитывать требования закона, сформулированные относительно источника осведомленности свидетеля (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Источником осведомленности обвиняемого здесь уже будет являться либо непосредственное восприятие им преступления, либо сведения, полученные от иных лиц, а также в результате ознакомления с документами или материальными объектами.

Таким образом, учитывая большое значение источников осведомленности для обнаружения истины по уголовному делу, их необходимо выяснять не только при допросе свидетелей и потерпевшего, но и при допросе подозреваемого и обвиняемого. Данное положение целесообразно было бы также закрепить в статьях закона, предусматривающих показания подозреваемого и обвиняемого.

Источником осведомленности эксперта являются исследования, проведенные им в соответствии со своими специальными познаниями. Именно на этой единственной основе эксперт может сформулировать вывод об обстоятельствах,

имеющих значение для уголовного дела, и свое заключение.

Следователь и суд обязаны создать соответствующие условия для получения экспертом объективного источника осведомленности. Это достигается путем выполнения ими требования закона предоставить в распоряжение эксперта достаточные материалы, необходимые для проведения специальных исследований.

Часть 2 ст. 204 УПК РФ требует, чтобы в заключении эксперта наряду с другими данными были указаны объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы³⁴, а также содержание и результаты исследований с указанием примененных методик. Это позволяет убедиться в том, насколько полно и правильно проведены исследования, вытекает ли заключение эксперта из этих исследований. Отсутствие такого анализа может привести к следственным или судебным ошибкам.

Источник осведомленности надо учитывать еще при определении основания для назначения экспертизы. Чтобы успешно решить этот вопрос, следует анализировать не только такие элементы основания, как необходимость в специальных познаниях и значение для уголовного дела факта, устанавливаемого с помощью судебной экспертизы, но и возможность проведения экспертного исследования с использованием соответствующей методики. Если видно, что такое исследование не может быть проведено, то не будет и основания для назначения и производства экспертизы.

Отсутствие в заключении эксперта исследования, из которого оно бы вытекало, т.е. специфического источника осведомленности эксперта, по существу означает подмену этого источника другим, не свойственным данному виду доказательств.

В ст. 87 УПК РСФСР было указано, что протоколы следственных и судебных действий – это самостоятельный вид доказательств: “Протоколы, удостоверяющие обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении для опознания, а также при производстве следственного эксперимента, составленные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, являются доказательством по уголовному делу”.

³³ См.: Рахунов Р.Д. Указ. соч. С. 67.

³⁴ В УПК РФ экспертиза как способ получения при производстве по уголовному делу такого самостоятельного вида доказательств, как заключение эксперта, названа судебной экспертизой (ст. 195–201, 203, 207). Однако такое название вряд ли можно считать логически безупречным.

Данное предписание было изложено достаточно четко и определенно и не вызывало каких-либо двусмысленностей. Его несомненное достоинство состояло в том, что в нем предусматривался исчерпывающий перечень тех следственных действий, протоколы которых могли иметь доказательственное значение. Данное положение обосновывалось с научной точки зрения – в ходе производства только указанных следственных действий происходило непосредственное восприятие субъектами доказывания фрагментов объективной действительности, которые отражали обстоятельства совершенного преступления.

В УПК РФ определение протоколов следственных и судебных действий предельно упрощено, поскольку изъят критерий, который позволял отличать протоколы следственных действий как доказательства от протоколов всех других следственных действий, не имеющих доказательственного значения. Согласно ст. 83 УПК РФ “протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом”. Данное предписание допускает следующие рассуждения: любые протоколы следственных действий, если только они соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона, могут признаваться доказательствами по уголовному делу. Однако такой вывод с научной и правовой точек зрения опасен и недопустим. К сожалению, в данном случае, как и во многих других, были проигнорированы правила о преемственности того положительно, что содержалось в ранее действовавшем уголовно-процессуальном Законе и оправдало себя в течение многолетней судебной-следственной практики. Поэтому при использовании рассматриваемого вида доказательств, конечно же, следует продолжать руководствоваться прежними научно обоснованными представлениями о протоколах следственных и судебных действий как самостоятельном виде доказательств.

Реализация правил производства данных следственных и судебных действий позволяет выявить источники осведомленности, благодаря которым субъекты доказывания получают возможность составлять протоколы, являющиеся доказательствами по уголовному делу.

При осмотре места происшествия, местности, помещения, а также предметов, могущих стать вещественными доказательствами и оказавшихся там, следователь в присутствии понятых непосредственно воспринимает следы преступления, иные обстоятельства, имеющие значение для

уголовного дела, и фиксирует их в соответствующих протоколах (ст. 166 УПК РФ). Вполне определенный фрагмент реальной действительности, обусловленный совершенным преступлением, и будет являться источником осведомленности для следователя и понятых. Только из него могут быть извлечены следы преступления и зафиксированы в протоколе осмотра места происшествия.

Источником осведомленности при освидетельствовании подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего будут служить обнаруженные на предметах следы преступления (кровь, частицы почвы, различные повреждения и т.п.) или особые приметы на теле человека (шрамы, татуировки, родимые пятна и др.).

Источником осведомленности для следователя и понятых при производстве обыска и выемки служат факты обнаружения в конкретном месте, у определенного лица предметов, которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (ч. 1 ст. 83, ч. 1 ст. 182, ч. 1 ст. 183 УПК РФ).

Согласно ст. 193 УПК РФ следователь может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому. Для опознания может быть предъявлен и труп. Если опознающий указал на одно из предъявленных ему лиц или один из предметов, то опознающему предлагается объяснить, по каким приметам или особенностям он опознал данное лицо или предмет (ч. 7. ст. 193 УПК РФ). Следовательно, источником осведомленности для опознающего лица будет служить само лицо или предмет с соответствующими приметам или особенностями, по которым он его узнал.

При использовании перечисленных источников осведомленности решающее значение имеет безусловное выполнение требований, установленных законом применительно к каждому следственному действию, в рамках которого тот или иной источник осведомленности используется. Это обеспечивает получение объективных сведений, исключает подмену их субъективными догадками и предположениями. Нарушение таких требований влечет признание доказательств недопустимыми.

Источниками осведомленности для субъектов доказывания применительно к вещественным

доказательствам являются имеющиеся на материальных объектах непосредственно воспринимаемые свойства, признаки и состояния предметов, свидетельствующие об их объективных связях с обстоятельствами совершения преступления, в силу чего они отражаются в протоколах следственных действий и приобретают статус самостоятельных средств доказывания.

Источниками иных документов как самостоятельного вида доказательств являются должностные лица или граждане, составившие эти документы (ст. 84 УПК РФ). В свою очередь источниками осведомленности для них являются соответствующие факты или сведения, образующие содержание иных документов. Один из важных способов проверки данного вида доказательств заключается именно в установлении и анализе источников осведомленности. В одном из комментариев ранее действовавшего УПК РСФСР обоснованно отмечается, что документ допустим как доказательство при наличии наряду с другими данными указаний на источник осведомленности составителя (ссылки на название нормативного акта, номер и дату архивного документа, лиц, от которых получены данные, и т.д.)³⁵.

Это обоснованное суждение встречается и в современной учебной литературе. Так, в учебнике по уголовно-процессуальному праву под ред. В.М. Лебедева также указывается, что иной документ будет являться допустимым при наличии ряда условий, в числе которых выделено следующее условие: “должен быть указан источник осведомленности составителя”³⁶.

В целях проверки иных документов следователи и суды нередко вызывают и допрашивают их авторов, а также других лиц для уточнения или опровержения содержащихся в них сведений, выяснения того, на основании каких данных составлен тот или иной документ. При необходимости должны изучаться также материалы, послужившие основанием для составления иного документа. Такой способ проверки позволяет установить соответствие содержания документа фактам реальной действительности, полноту их закрепления, достоверность данного вида доказательств.

Принципиальное положение заключается в том, что *в целях тщательной проверки любого вида доказательств источники осведомленности*

должны быть известны следователю и суду, доступны им. В противном случае сведения и факты, содержащиеся в соответствующих процессуальных источниках, не будут иметь доказательственного значения.

В связи с этим вызывает сомнение правомерность использования по некоторым уголовным делам в качестве доказательств документов, составляемых следователями на основании данных оперативно-розыскного характера.

Прежде всего следует отметить, что источник такого документа-доказательства является незаконным. Как было сказано ранее, под источниками доказательств понимаются обвиняемый, подозреваемый, свидетель, эксперт и иные лица, занимающие определенное процессуальное положение, от которых исходят доказательства. Анализ источников доказательств позволяет судить об их качестве и способности устанавливать обстоятельства совершения преступления и побочные факты. Доказательства должны быть получены только от источников, удовлетворяющих всем требованиям закона.

Следователь не вправе составлять такой вид доказательств, как иные документы. Он может быть источником только протоколов следственных действий (наряду с понятыми) и вещественных доказательств (наряду с понятыми и гражданами и участниками уголовного судопроизводства, представившими предмет). Источниками же иных документов, имеющих доказательственное значение, являются только лица, их составившие, т.е. авторы документов.

Неоднократно упоминавшийся авторитетный ученый в области доказательственного права проф. В.Я. Дорохов убедительно писал, что “не становятся доказательствами и составленные следователем справки, в которых обобщаются сведения, полученные из тех или иных документов, оперативных материалов... В таких случаях следователь незаконно подменяет собой авторов, выступает в не свойственной ему роли источника этого вида доказательств.

Документы-доказательства исходят не от следователя, органов дознания и суда, а от компетентных учреждений, организаций, должностных лиц и граждан”.

На роль рассматриваемых документов-доказательств претендовало обобщенное официальное сообщение (справка-меморандум), составление которого предусматривалось ранее действовавшей инструкцией “О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности

³⁵ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1985. С. 163.

³⁶ Уголовно-процессуальное право / Под общ. ред. В.М. Лебедева. С. 287.

органу дознания, следователю, прокурору или в суд” от 13 мая 1998 г. Но, очевидно, в результате сопоставления их с доказательствами по уголовному делу был сделан правильный вывод о том, что средствами доказывания они выступать не могут. Вследствие этого в текст действующей инструкции “О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд” от 17 апреля 2007 г. данное положение включено не было.

На основании анализа источников осведомленности всех видов доказательств правомерен вывод о том, что *они входят в общее понятие доказательств по уголовному делу. Источник осведомленности соответствующих сведений должен быть известен применительно к каждому виду доказательств. В противном случае доказательство должно признаваться недопустимым.*

В соответствии с этим представляется целесообразным ст. 5 УПК РФ дополнить самостоятельным пунктом следующего содержания: *“Источники осведомленности – соответствующие объективные факторы, в силу которых источники доказательства (живые лица) становятся обладателями сведений, образующих содержание доказательств по уголовному делу”*. А ч. 2 ст. 75 “Недопустимые доказательства” УПК РФ следует дополнить самостоятельным пунктом, изложив его в следующей редакции: *“доказательства, содержащие сведения, источник осведомленности которых неизвестен”*.

Выявление и тщательный анализ источников осведомленности в ходе доказывания по уголовному делу будут в большей мере обеспечивать надлежащее качество доказательств и получение надежных знаний об обстоятельствах совершения преступления.